

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Слабая струна

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619465*

Аннотация

«... Я отвечал:

– Во-первых, приехать я не могу, так как должен возвратиться домой; дома никого нет, и даже прислуга отпущена в больницу; а во-вторых – кто тебе мог сказать, что я сейчас у Красавиных?

– Врешь, врешь! Как же так у тебя дома никого нет, когда из дому мне и ответили по телефону, что ты здесь.

– Не знаю! Может быть, я сошел с ума, или ты меня мистифицируешь... Квартира заперта на ключ, и ключ у меня в кармане. Кто с тобой говорил?

– Понятия не имею. Какой-то незнакомый мужской голос. ...»

Аркадий Аверченко

Слабая струна

Я сидел у Красавиных. Горничная пришла и сказала:

– Вас к телефону просят.

Я удивился:

– Меня? Это ошибка. Кто меня может просить, если я никому не говорил, что буду здесь!

– Не знаю-с.

Я вышел в переднюю, снял телефонную трубку и с любопытством приложил ее к уху:

– Алло! Кто говорит?

– Это я, Чебаков. Послушай, мы сейчас в «Альгамбре» и ждем тебя. Приезжай.

Я отвечал:

– Во-первых, приехать я не могу, так как должен возвратиться домой; дома никого нет, и даже прислуга отпущена в больницу; а во-вторых – кто тебе мог сказать, что я сейчас у Красавиных?

– Врешь, врешь! Как же так у тебя дома никого нет, когда из дому мне и ответили по телефону, что ты здесь.

– Не знаю! Может быть, я сошел с ума, или ты меня мистифицируешь... Квартира заперта на ключ, и ключ у меня в кармане. Кто с тобой говорил?

– Понятия не имею. Какой-то незнакомый мужской голос. Прямо сказал: «Он сейчас у Красавиных»... И сейчас же повесил трубку. Я думал – твой родственник...

– Непостижимо!! Сейчас же лечу домой. Через двадцать минут все узнаю.

– Пока ты еще доберешься домой, – возразил заинтересованный Чебаков. – Ты лучше сейчас позвони к себе. Тогда сейчас же узнаешь.

С лихорадочной поспешностью я дал отбой, вызвал центральную и попросил номер своей квартиры.

Через полминуты после звонка кто-то снял в моем кабинете трубку, и мужской голос нетерпеливо сказал:

– Ну?! Кто там еще?

– Это номер 233-20?

– Да, да, да!! Что нужно?

– Кто вы такой? – спросил я.

Около полминуты там царило молчанье. Потом тот же голос неуверенно заявил:

– Хозяина нет дома.

– Еще бы! – сердито вскричал я. – Конечно, нет дома, когда я и есть хозяин!! Кто вы такой и что вы там делаете?

– Нас двое. Постойте, я сейчас позову товарища. Гриша, пойди-ка к телефону.

Другой голос донесся до меня:

– Ну что там еще? Все время звонят, то один, то другой. Работать не дают!! Что нужно?

– Что вы делаете в моей квартире?! – взревел я.

– Ах, это вы... Хозяин? Послушайте, хозяин... Где у вас ключи от письменного стола?! Искали, искали – голову сломать можно.

– Какие ключи?! Зачем?

– Да ведь не ломать же нам всех одиннадцати ящиков! – ответил рассудительный голос. – Конечно, если не найдем ключей, придется взломать замки, но это много возни. Да и вы должны бы пожалеть стол. Столик-то небось недешевый. Рублей, поди, двести? Коверкать его – что толку?..

– Ах вы, мерзавцы, мерзавцы, – вскричал я с горечью. – Это вы, значит, забрались обокрасть меня!.. Хорошо же!.. Не успеете убежать, как я подниму на ноги весь дом.

– Ну, улита едет, когда-то будет, – произнес рассудительный голос. – Мы десять раз как уйти успеем. Так как же, барин, а? Ключи-то от стола – дома или где?

– Жулики вы проклятые, собачье отродье! – бросал я в трубку жестокие слова, стараясь вложить в них как можно больше яду и обидного смысла. – Сгниете вы в тюрьме, как черви. Чтоб у вас руки поотсыхали, разбойники вы анафемские! Давно, вероятно, по вас веревка плачет.

– Дурак ты, дурак, барин, – произнес тот же голос, убивавший меня своей рассудительностью. – Мы к тебе по-человечески... Просто жалко зря добро портить – мы и спросили... Что ж, тебе трудно сказать, где ключи? Должен бы понимать...

– Не желаю я с такими жуликами в разговоры пускаться! – с сердцем крикнул я.

– Эх, барин... Что ж ты думаешь, за такие твои слова так тебе ничего и не будет? Да вот сейчас возьму, выну перочинный ножик и всю мягкую мебель в один момент изрежу. И стол изрежу, и шкаф. К черту будет годиться твой кабинет... Ну хочешь?

– Страшный вы человек, ей-богу, – сказал я примирительно. – Должны бы, кажется, войти в мое положение. Забираетесь ко мне в дом, разоряете меня, да еще хотите, чтобы я с вами, как с маркизами, разговаривал.

– Милый человек! Кто тебя разоряет? Подумаешь, большая важность, если чего-нибудь недосчитаешься. Нам-то ведь тоже жить нужно.

– Я это прекрасно понимаю. Очень даже прекрасно, – согласился я, перекладывая трубку в левую руку и прижимая правую, для большей убедительности, к сердцу. – Очень хорошо я все это понимаю. Но одного не могу понять: для чего вам бесцельно портить мои вещи? Какая вам от этого прибыль?

– А ты не ругайся!

– Я и не ругаюсь. Я вижу – вы умные, рассудительные люди. Согласен также с тем, что вы должны что-нибудь получить за свои хлопоты. Ведь небось несколько дней следили за мной, а?

– А еще бы!.. Ты думаешь, что все так сразу делается?

– Понимаю! Милые! Прекрасно понимаю! Только одного не могу постичь: для чего вам ключи от письменного стола?

– Да деньги-то... Разве не в столе?

– Ничего подобного! Напрасный труд! Заверяю вас честным словом.

– А где же?

– Да, признаться, деньги у меня припрятаны довольно прочно, только денег немного. Вы, собственно, на что рассчитываете, скажите мне, пожалуйста?

– То есть как?

– Ну... что вы хотите взять?

– Да что ж!.. Много ведь не унесешь, – сказал голос с искренним сожалением. – Сами знаете, дворник всегда с узлом зацепить может. Взяли мы, значит, кое-что из столового серебра, пальто, шапку, часы-будильник, пресс-папье серебряное...

– Оно не серебряное, – дружески предостерег я.

– Ну тогда шкатулочку возьмем. Она, поди, недешевая. А?

– Послушайте... братцы! – воскликнул я, вкладывая в эти слова всю силу убеждения. – Я вхожу в ваше положение и становлюсь на вашу точку зрения... Ну повезло вам, выследили, забрались... Ваше счастье! Предположим, заберете вы эти вещи и даже пронесете их мимо дворника. Что же дальше?! Понесете вы их, конечно, к скупщику краденого и, конечно, получите за это гроши. Ведь я же знаю этих вампиров. На вашу долю приходится риск, опасность, побои, даже

тюрьма, а они сидят сложа руки и забирают себе львиную долю.

– Это верно, – сочувственно поддакнул голос.

– А еще бы же не верно! – вскричал я в экстазе. – Конечно, верно. Это проклятый капиталистический принцип – жить на счет труда... Поймите: разве вы грабите? Вас грабят! Вы разве наносите вред? Нет, эти вампиры в тысячу раз вреднее!! Товарищ! Дорогой друг! Я вам сейчас говорю от чистого сердца: мне эти вещи дороги по разным причинам, а без будильника я даже завтра просплю. А что вы выручите за них? Гроши!! Вздор. Ведь вам и полсотни не дадут за них.

– Где там! – послышался сокрушенный вздох. – Дай бог четвертную выцарапать.

– Дорогие друзья!! Я вижу, что мы уже понимаем друг друга. У меня дома лежат деньги – это верно – сто пятнадцать рублей. Без меня вы их все равно не найдете. А я вам скажу, где они. Забирайте себе сто рублей (пятнадцать мне завтра на расходы нужно) и уходите. Ни заявлений в полицию, ни розысков не будет. Это просто наше частное товарищеское дело, которое никого не касается. Хотите?

– Странно это как-то, – нерешительно сказал вор (если бы я его видел, то добавил бы: «Почесывая затылок», потому что у него был тон человека, почесывающего затылок). – Ведь мы уже все серебро увязали.

– Ну что ж делать... Оставьте его так, как есть... Я потом разберу.

– Эх, барин, – странно колеблясь, промолвил вор. – А ежели мы и деньги ваши заберем, и вещи унесем, а?

– Милые мои! Да что вы, звери, что ли? Тигры? Я уверен, что вы оба в глубине души очень порядочные люди... Ведь так, а?

– Да ведь знаете... Жизнь наша такая собачья.

– А разве ж я не понимаю?! Господи! Истинно сказали: собачья. Но я вам верю, понимаете – верю. Вот если вы мне дадите честное слово, что вещей не тронете, – я вам прямо и скажу: деньги там-то. Только вы же мне оставьте пятнадцать рублей. Мне завтра нужно. Оставьте, а?

Вор сконфуженно засмеялся и сказал:

– Да ладно. Оставим.

– И вещей не возьмете?

– Да уж ладно. Пусть себе лежат. Это верно, что с ними наплачешься.

– Ну вот и спасибо. На письменном столе стоит коробка для конвертов, голубая. Сверху там конверты и бумага, а внизу деньги. Четыре двадцатипятирублевки и три по пяти. Согласитесь, что вам бы и в голову не пришло заглянуть в эту коробку. Ну вот. Не забудьте погасить электричество, когда уйдете. Вы через черный ход прошли?

– Так точно.

– Ну вот. Так вы, уходя, запирайте все-таки дверь на ключ, чтобы кто-нибудь не забрался. Ежели дворник наткнется на лестнице – скажите: «Корректуру приносили». Ко мне часто

носят. Ну теперь, кажется, все. Прощайте, всего вам хорошего.

– А ключ куда положить от дверей?

– В левый угол, под вторую ступеньку. Будильник не испортили?

– Нет, в исправности.

– Ну и слава богу. Спокойной ночи вам.

* * *

Когда я вернулся домой, в столовой на столе лежал узел с вещами, возле него – три пятирублевые бумажки и записка:

«Будильник поставили в спальню. На пальто воротник моль съела. Взбунуйте прислугу. Смотрите же – обещали не заявлять! Гриша и Сергей».

* * *

Все друзья мои в один голос говорят, что я умею прекрасно устраиваться в своей обычной жизни. Не знаю. Может быть. Может быть.